

— Мне нездоровится, я пойду домой, — Чжай Нин, не поднимая головы, схватила сумку и бросилась к выходу.

В голове царил хаос, мысли путались. Она и в страшном сне не могла представить, что эта рана в её душе вскроется именно здесь, и что вскроет её Цзян Сюньвэй.

Старый врач сделал пару шагов вслед за ней, не желая отступить:

— Директор Чжай, бегство ничего не решит. Шила в мешке не утаишь: рано или поздно правда выплывет наружу. Хотите вы того или нет, перед истиной придётся склонить голову.

Чжай Нин глубоко вдохнула, до боли вонзая ногти в ладони через ткань рукавов. Она замерла, обернулась и, из последних сил сохраняя остатки самообладания, процедила:

— Ваши догадки весьма любопытны, доктор Цзян. Но раз уж вы вышли на пенсию, лучше бы вам наслаждаться покоем. Излишние раздумья ещё никому не шли на пользу.

Она вовсе не собиралась ему угрожать. Напротив, женщина искренне хотела, чтобы в это дело было втянуто как можно меньше людей. Масштаб катастрофы ужасал: это было похоже на гигантский лайнер, потерявший управление и несущийся в неизвестность. Те, кто находился на борту, уже не могли сойти на берег — им оставалось лишь покорно ждать, причалит ли судно к земле или канет в бездну.

Цзян Сюньвэй всегда был упрямецем, и то, что Чжай Нин продолжала прикидываться дурочкой, привело его в ярость. Кровь ударила ему в голову. Он выложил всё начистоту:

— Догадки? То, что дети с сопутствующими заболеваниями прошли отбор — это мои догадки? То, что препараты не соответствовали санитарным нормам — догадки? Или, может, догадками вы назовёте то, что представители «Сухэ Био» шастали в кабинет Чжоу Хуна как к себе домой? Или ваши связи с ним и Суй Ваньцзюнь — тоже плод моего воображения?!

Собеседница застыла, неверяще глядя на Цзян Сюньвэя. Услышав имя Суй Ваньцзюнь, она поняла, что просто так уйти не получится. Старик знал гораздо больше, чем она предполагала.

В соседнем кабинете Суй Ваньцзюнь уже не сдерживала слёз. По одному лишь дрожащему голосу дочери она поняла: в этой истории действительно скрыта тайна, и Чжай Нин не находит оправданий перед лицом доктора Цзяна.

Но старушка не знала, как вынести это знание. Ложь копилась два года, ошибки наслаивались одна на другую, превращаясь в неподъёмный груз. Даже если бы она сейчас отдала свою жизнь, это не вернуло бы Ли Цинли, Гу Нун и тех несчастных детей.

Хун Жу в волнении трясла её за руку:

— Директор, что с вами? Вас же просто обманули, вы ни в чём не виноваты!

Суй Ваньцзюнь в муке покачала головой:

— Виновата... всё из-за меня. Это я погубила тех детей!

Заместитель директора пыталась подобрать слова утешения, запинаясь от собственного смятения:

— Но... вдруг всё не так? Директор Чжай не такой человек, она бы никогда не причинила вреда детям. Её наверняка использовали! Да и кто сказал, что директор и заведующий должны знать всё до последней мелочи в огромной больнице? Подчинённые могли творить зло за их спинами. К тому же нет никаких доказательств невинности Ли Цинли! Даже институт «Хунсо» не делал никаких заявлений. Я верю только официальным бумагам!

Она вспомнила, как два года назад сама с умным видом рассуждала в кругу знакомых о «грязи в научном мире», как смаковала подробности морального падения Ли Цинли, делаясь ими с родственниками. Тогда её слова встречали сочувственным киванием и вздохами.

Почему же спустя два года всё перевернулось с ног на голову?

Вспоминая свои тогдашние речи, Хун Жу ощутила себя клоуном. Она, образованная и проницательная женщина, просто не могла быть так глупа. Разве этот Цзян Сюньвэй и эти студенты не могут ошибаться? Если Ли Цинли и Гу Нун действительно были чисты, почему тогда весь мир ополчился против них? Почему они не сопротивлялись, не зывали к справедливости, и почему никто не провёл расследование?

Один человек может ошибиться, но не все же сразу! Значит, за ними точно был какой-то грешок. А Чжай Нин? Сколько добрых дел она совершила за эти годы, сколько раз о ней писали в газетах как о «герое нашего времени»! Разве это не доказывает её святость? Когда гремели новости о скандале, никто и слова не сказал о благодеяниях четы Ли!

Цзянь Фу едва не рассмеялся от злости. Он со стуком поставил стакан на стол:

— Ты что, чёрт возьми, такое несёшь?

Услышь он подобное на улице, просто выругался бы и забыл, но Хун Жу была человеком, который лично заботился о тех умирающих детях. Она, как никто другой, должна была понимать боль утраты. И сейчас, в присутствии Ли Жуна — главной жертвы этой трагедии, — она пыталась выгородить виновных. Её слова звучали как злая насмешка.

Неужели заведующий и директор могли не знать, что лекарства подменили? Глупо верить, будто всё можно свалить на рядовых сотрудников. Но женщина, кажется, искренне уверовала в собственные оправдания, завершив процесс самовнушения.

Ли Жун тихо усмехнулся и неспешно отхлебнул воды.

— Порой я думаю: когда истина наконец откроется и я предстану перед людьми, как они будут смотреть мне в глаза? Теперь я понимаю: им не придётся смотреть на меня. Им нужно будет лишь заглянуть в самих себя.

Суй Ваньцзюнь подняла заплаканное лицо. Её голос дрожал и сорвался на хрип:

— Кто ты?..

Юноша поставил стакан. Его взгляд, острый и холодный, пронзил пространство.

— Меня зовут Ли Жун. Ли Цинли и Гу Нун — мои родители.

Хун Жу замерла, лицо её мгновенно вспыхнуло от стыда. О мёртвых либо хорошо, либо никак, а она только что при сыне поносила его покойных родителей.

Суй Ваньцзюнь тяжело вздохнула. Она сложила ладони в мольбе, низко склонив голову к краю стола. Её исхудавшая спина сгорбилась ещё сильнее.

— Я не выжившая из ума старуха. Я помогу тебе добиться правды.

Сказав это, Суй Ваньцзюнь, опираясь на трость, медленно поднялась. Охваченная горем и решимостью, она заковыляла к выходу. Хун Жу так и осталась сидеть, в оцепенении забыв поддержать её.

Ли Жун перестал улыбаться. Его ресницы дрогнули, он на мгновение заколебался, но затем протянул руку и отключил вызов на телефоне. Раз Суй Ваньцзюнь решила показаться, им больше не было смысла прятаться.

Весь этот сценарий он выстроил, опираясь на её совесть. Человек, который пожертвовал уютом ради сирот с горы Хуннин, не мог допустить, чтобы его представление о справедливости было так осквернено. Такие люди скорее умрут, чем станут соучастниками чужой беды. В конечном

счёте, в этом мире праведники чаще всего страдают от рук других праведников, ведь истинные злодеи не знают мук совести.

Ли Жун прикрыл глаза. В следующую секунду Цэнь Сяо мягко коснулся его запястья, выводя из оцепенения.

— Эмерсон говорил, что больше всего ненавидит две вещи: эрудицию без веры и невежество, исполненное фанатизма, — негромко произнёс Цэнь Сяо. — Благие намерения, ведущие к беде, — история старая как мир.

Ли Жун взглянул на него и едва заметно улыбнулся. Цэнь Сяо всегда умел угадать его мысли и подобрать верные слова.

«Да, именно невежество.

Суй Ваньцзюнь выросла в глуши и всю жизнь отдала горам. Она была добрым, чистым человеком, но оставалась во власти своего неведения. Её нежелание отдавать приют под системное управление, её попытки связать Чжай Нин и Чжоу Хуна узами морального долга — всё это было плодом её ограниченности. Даже то, что она уговорила дочь включить детей из «Сяочэнсян» в список добровольцев, было ошибкой. В итоге её слепая любовь погубила тех, кого она поклялась защищать»

Чжай Нин с силой сжимала голову руками. Она отдала бы всё за одну таблетку обезболивающего. Стиснув зубы, она пыталась унять пульсирующую боль.

— Доктор Цзян, я не знаю, каких сплетен вы наслушались, но вам не стоит в это вмешиваться. Это дело вас не касается!

— Вы ошибаетесь! — вскричал Цзян Сюньвэй. — Это касается меня, касается каждого, кто работает в медицине, и каждого, в ком ещё жива совесть!

— Доктор Цзян! — выкрикнула Чжай Нин. Её глаза покраснели, волосы растрепались.

Впервые она потеряла лицо перед посторонним. Слишком велики были ставки: если всё вскрыется, лавину будет не остановить. Она боялась даже представить, как поступит «Сухэ Био», узнав о расследовании Цзян Сюньвэя. Она действительно не хотела, чтобы он пострадал на пороге своей спокойной старости. Но судьба распорядилась иначе: старик оказался непоколебим.

Цзян Сюньвэй горько покачал головой:

— Директор Чжай, вы подумали о том, что станет с Суй Ваньцзюнь, когда она узнает правду? Неужели вы думали обманывать её всю жизнь, скрывая, что она косвенно виновна в смерти тех детей?

Чжай Нин, глядя на него воспалёнными глазами, отчеканила каждое слово:

— Она. Никогда. Не узнает.

Больше не желая ничего слушать, она резко развернулась и рванула дверь кабинета.

В одно мгновение весь шум ресторана смолк. Казалось, пространство вокруг неё накрыли невидимым стеклянным колпаком, отрезав от суеты мира. В этой гнетущей тишине ей почудился свист горного ветра и далёкий, едва уловимый плач ребёнка.

Пальцы Чжай Нин дрогнули, сумочка выпала из рук. Она замерла, её губы беззвучно зашевелились, прежде чем сорвался шёпот:

— Мама?..

Перед ней стояла Суй Ваньцзюнь. По её лицу катились слёзы. Старушка молчала, но Чжай Нин физически ощутила, как этот взгляд, полный немого укора, режет её по живому, словно острая трава в горах. Никто не мог заставить её заговорить — кроме единственного человека, который был ей дорог.

Суй Ваньцзюнь дрожащими руками коснулась лица дочери, стирая слёзы с её щёк и мягко массируя её напряжённый лоб. Под этим ласковым материнским прикосновением Чжай Нин начала оттаивать. Она прижалась к матери, как маленькая девочка, которую когда-то забрали из приюта, и горько разрыдалась.

Старушка гладила её по спине, нашептывая те же слова, что сотни раз говорила детям в «Сяочэнсян»:

— Нельзя бояться ошибок, доченька. Если оступился — нужно исправить. Простят тебя или нет — дело других, но измениться ты должна сама. Нужно жить так, чтобы не было стыдно перед собой.

Дети часто забывают уроки, и любящая мать готова повторять их вновь и вновь. Неважно, сколько им лет и каких высот они достигли — им всё равно нужно напоминать те простые истины, что усваиваются ещё в детстве.

— Правда в том... — Чжай Нин сидела рядом с матерью, опустив глаза. Вся её защита рухнула.

Последние два года каждый раз, когда она проходила мимо детского отделения, её сердце сжималось. Эта тайна лежала в её душе тяжёлым камнем, от которого невозможно было избавиться. Она так и не смогла стать законченной злодейкой, способной творить зло с холодным сердцем. Ей приходилось терпеть пытки совести и бесконечный внутренний допрос.

Женщина с силой потерла покрасневшие глаза, убрала растрепавшиеся пряди за уши и постаралась говорить спокойно:

— Я не пытаюсь оправдаться. Перед началом испытаний я не раз уточняла у профессора Ли, можно ли использовать «Люйиньсюй» для детей с сопутствующими диагнозами. Профессор ответил утвердительно. Он был уверен, что после успеха первой фазы сразу начнётся вторая, расширенная, и если она пройдёт удачно, препарат одобряют досрочно. Я доверяла его научному авторитету так же беззаветно, как пациенты доверяют мне.

Суй Ваньцзюнь сокрушённо вздохнула:

— А-Нин видела, как я устала. В «Сяочэнсян» было много больных детей, и моё сердце разрывалось от их страданий. Я столько раз жаловалась ей... Она пошла на риск и одобрила тех детей только ради меня. Я не знала, что профессор Ли отбирал только здоровых участников. Это моя вина.

Ли Жун негромко вмешался:

— Я верю словам своего отца. «Люйиньсюй» действительно мог помочь тем детям. Дело не в этом.

Она облизнула пересохшие губы, не смея поднять взгляд на юношу. Она давно узнала в нём того Жун Ли, что присутствовал на ужине в отеле «Семь звёзд». Это значило, что расследование против Центральной больницы «Цзяцзя» и «Сухэ Био» началось задолго до этого дня.

Её взгляд затуманился, она медленно покачала головой:

— В этом-то и вся соль. Сделав этот шаг самовольно, я не сказала ни профессору, ни Чжоу Хуну. Хотя мы с ним и считаемся родственниками, я никогда его не знала. Я заботилась о нём лишь ради матери. Но Чжоу Хун ненавидел её, ненавидел «Сяочэнсян» и, скорее всего, ненавидел меня, лишь пользуясь моим положением. Он не сказал мне, что вступил в сговор с «Сухэ Био», уничтожил партию «Люйиньсюй» и заменил её некачественным «Цзякэтином».

Сердце Суй Ваньцзюнь облилось кровью. То, что она когда-то оставила сына, в итоге превратило его в чудовище, способное подменить лекарства невинным детям. Это было за гранью человечности.

Чжай Нин горько усмехнулась:

— Я не выгораживаю Чжоу Хуна. Он ненавидел приют, но вряд ли хотел смерти детей. Тот «Цзякэтин» был плохим лекарством, но от него не умирали — он просто не лечил. Он не знал, что у части детей были критические проблемы с иммунитетом. А «Сухэ Био»? Они тоже не планировали убийство. До этого они даже пытались подкупить профессора Ли и профессора Гу огромными деньгами, но получили отказ. Слеплённые завистью и обидой, они решили проучить их, подстроив провал испытаний, чтобы общественность сочла «Люйиньской» неэффективным, а Ли Цинли и Гу Нун были опозорены на весь мир. Видите? Каждый совершил лишь «маленькую» ошибку, а в итоге случилась катастрофа.

<http://bllate.org/book/15351/1569547>